

Известия - 2002 - 1 июля - с. 3.

Оперный секс-символ в Москве

Сегодня в Большом зале консерватории выступает один из самых востребованных теноров мира Хосе Кура. Петь он там, правда, не будет, а будет дирижировать Московским симфоническим оркестром. Свое он уже отпел — два дня назад, в Государственном Кремлевском дворце в компании с Любовью Казарновской, дирижером Владимиром Зивой и хором «Геликон-оперы».

Екатерина БИРЮКОВА

Московский дебют Хосе Куры, известного под лейблом «секс-символа мировой оперы», проходит в не слишком удачное время. Любители микрофонного оперного пения, очевидно, не горят сейчас желанием собираться в общественных местах — возможно поэтому, несмотря на громкую рекламу проекта, Государственный Кремлевский дворец был позавчера недружелюбно пуст (многие сдали уже купленные билеты, но отменять гастроли было уже поздно — Кура, недооценив масштабов происходящего, вылетел в Москву на следующий день после

теракта). Тем, кто все же пришел, постарались сделать максимально приятно: в глаза направили фиолетовые прожекторы, погромче подкрутили звук, на задник спроецировали какое-то разноцветное броуновское движение и на возвышение позади оркестра выпустили разодетых в пух и прах хористок «Геликон-оперы» (ее худрук Дмитрий Беррман был постановщиком этого шоу).

Там среди изломанных женских рук и обнаженных плеч и появился герой вечера — ленивый знойный мачо Хосе Кура. Неприуженной походкой он прошел сквозь оркестр, многозначительно задержался напротив дирижера, пококетничал с первым рядом

партера и задумчиво уселся на фоне виолончелей — так, чтобы на двух больших экранах над сценой эффектно обозначился его латинский профиль. Все это он делал во время собственного пения, слушать которое несколько мешали микрофонные помехи.

Первое разочарование — ужасное качество микрофонного звука (хотя после очень приличной в этом отношении римской «Тоски», прошедшей в КДС месяцем назад, казалось, что взята новая высота и назад пути нет). И этот звук был у всех разной степени правдивости. У громкоголосого Куры — самый правдивый. У его партнерши Казарновской, которой, видно, пришлось добавлять побольше децибел, — похуже. А уж у безымянной геликоновской солистки, приглашенной на авансцену для третьестепенной роли в ансамбле, — вообще с такой реверберацией, как из мультимедиа про инопланетян. Микрофо-

Хосе Кура не только прекрасно пел, но и кокетничал с залом

ны, кроме громкости, давали еще одно бесспорное преимущество — можно стоять к публике хоть задом, хоть передом, слышно одинаково. Этим всю пользу пользовался аргентинский секс-символ — он то демонично удалялся в глубину оркестра, то игриво облакачивался о дирижерские перила, то усаживался прямо на сцену, свесив с нее ноги. Казарновская перемещалась с меньшей охотой, зато брала свое броскими нарядами (их за вечер было три). Но с другой стороны, от микрофонов есть такая неприятность, что все

огрехи — будь то качающиеся верхние ноты Казарновской, играющие вразнобой струнные или фальшивящий хор — слышны во много раз лучше.

Самого Куру ни в каких огрехах упрекать не стану. Веристские и вердиевские партии, из которых состояла программа, он пел гладко и надежно, хотя и совершенно не про то, что имелось в виду в исполняемой музыке. В предсмертных сценах Радамеса с Аидой и Каварадосси с Тоской он ласкающим, обволакивающим голосом звал свою сильно деколь-

тированную партнершу куда угодно, но только не в могилу. На бис он отгрел арию Калафа и продержал больше чем полагается убойное «си» — свое теноровое, так сказать, достоинство, в котором и так никто не сомневался. Это-то и грустно. Зачем певец с такими отличными данными так незамысловато пользуется своим голосом? И зачем он выбирает для своего первого появления в Москве такую грубую и некачественную подделку под оперное искусство, как все вышеописанное?